

АНАТОЛИЙ БЕЛЯЕВ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

рассказы

НА ТУРБАЗЕ

Турбаза Питкярантского карьероуправления располагалась в живописном месте на берегу Ладожского озера. Здесь в прибрежном лесу в уютных летних домиках, иногда размещали группы иностранных студентов, приехавших в Ленинградский университет на геологическую практику по безвалютному обмену.

Наших ребят перед заграничными поездками муштровали полгода. Они готовили рефераты и на семинарах делали доклады о природе, культуре, науке, промышленности, образовании и геологии той страны, в которую ехали. Потом эти весьма интересные рефераты студенты передавали друг другу и по очереди изучали. В результате наши ребята знали о принимающих странах иногда даже больше, чем болгары или немцы о своих собственных. Но иностранные студенты часто имели о России весьма приблизительные сведения и охотно верили байкам, что в Москве прямо на красной площади дикие медведи играют на балалайках и за еду танцуют на снегу.

На Питкярантском железнодорожном вокзале я ожидал приезда двух групп иностранцев. В немецкой группе из Фрайбергской горной академии руководителем

был профессор Йохан Хофман, а помогал ему аспирант Ганс. Болгарской группой руководил Сребре Петров.

Йохан и Сребре приезжали на практики уже не в первый раз, и мы встретились как старые друзья. Я рассказал им, что в этом году обе группы разместят на турбазе, на берегу Ладоги, откуда каждый день мы будем совершать автобусные геологические экскурсии по району. А сейчас на площади нас ждет автобус.

И тут один из немецких студентов увидел комара. Еще в Германии доктор Хофман предупредил своих подопечных, что комаров в Карелии великое множество и ребята привезли с собой изрядный запас разных отпугивающих средств. Местный комар произвел в рядах немцев настоящий фурор. Они выхватили аэрозольные баллончики с репеллентами и попытались струями, как очередями из автоматов, сбить комара в воздухе. Но наши карельские комары так просто не дадутся. Комар увернулся и набрал высоту. Студенты подпрыгивали, пытаясь его достать, и гоготали от удовольствия на весь перрон.

Автобуса на месте не оказалось.

– Небольшая заминка, – извинился я, – сейчас подойдет.

Студенты расположились на траве газона. Мимо нас, прихрамывая, прошел очень серьезный пионер с разбитой в кровь коленкой. Мальчик почему-то был в парадной форме – белой рубашке и красном пионерском галстуке. Чтобы наладить дружеские связи с местным населением Ганс попытался угостить его жевательной резинкой. Школьник остановился, но от подарка с гордостью отказался, как и подобает настоящему пионеру.

Тогда Ганс протянул мальчику кристалл горного хрусталя.

– Это очень красивый минераль из Германии.

Мальчик кристалл в руки не взял, и с чувством превосходства ответил:

– Это кварц, у нас в карьерах Люппико его много и лучше. Вы приехали, из Германии?

– О, я, я! – обрадовался Ганс.

– А почему Вы так хорошо говорите по-русски?

– Потому что я долго изучал по русский язык. А ты изучал немецкий язык?

– Да, у меня есть очень хороший учебник.

– Это есть карашо, и что ты уже выучил по немецкий язык.

– Хенде хох! – громко выкрикнул мальчик.

Ганс от неожиданности отшатнулся и поднял руки. Болгарские студенты засмеялись и захлопали в ладоши.

Довольный собой пионер удалился с гордо поднятой головой.

На грунтовой привокзальной площади лихо развернулся опоздавший автобус. Пока загружались студенты, шофер отвел меня в сторону и рассказал, что мойщица в автопарке наотрез отказалась мыть автобус для немцев – у нее в Великую Отечественную войну в концлагере погиб отец. И водителю пришлось самому мыть салон.

По дороге на турбазу я развлекал студентов разными историями, чтобы они могли сразу проникнуться местным колоритом.

– Весной на эту дорогу, по которой мы сейчас едем, вышли из маршрута два геолога. У одного были сильно разорваны брюки. Он их снял и расположился в придо-

рожных кустах зашить. А другой геолог с молотком в руках отправился к ближайшему обнажению. И тут к первому геологу сзади подошел медведь и сильно ткнул его мордой в спину, выпрашивая подачку. Геолог уверенный, что его торопит напарник, обернулся, и вдруг увидел перед собой медвежью морду. Он закричал от страха, выскочил на дорогу, и побежал босиком в одних трусах, размахивая брюками. Я как раз ехал по этой дороге на своей машине – микроавтобусе, и догнал геолога. А он принял рев двигателя за рычание разъяренного медведя и прибавил скорость. И только когда я посигналил, он остановился.

– Неужели и здесь (помимо Красной площади) свободно разгуливают медведи? – удивились студенты. – А почему они пристают к людям?

– Турбаза, где мы будем жить, располагается на берегу Ладожского озера в глухой ненаселенной местности. Ближайший поселок геологов – Укса находится в пяти километрах к северу, в пятнадцати километрах к югу поселок Салми. Зато на Восток – сто километров до Мурманского шоссе нет никакого жилья – болота, реки и тайга, – я показал ребятам топографическую карту, – вот оттуда, и пришел медведь. А ранней весной корма мало и он стал рыться в помойке около турбазы. Да еще сторож его прикормил.

– И он не боится людей?

– Это люди его боятся. В начале лета автотуристы расположились на берегу озера. Расстелили на земле скатерть и разложили еду и выпивку. И тут из кустов появился медведь. Все залезли в машину и заперли двери. Медведь подошел к скатерти, съел все мясное, содержимое консервных банок, хлеб, и на десерт полако-

мился шоколадными конфетами. Туристы со слезами на глазах наблюдали за его пиршеством и пришли в ужас, когда он опрокинул две откупоренные бутылки водки, наступил в образовавшуюся на клеёнке лужу и с каким-то омерзением потряс задней лапой, отряхивая дурно пахнущую жидкость.

Ребята слушали меня с некоторым недоверием.

– А совсем недавно, – с воодушевлением продолжил я, – на турбазу приехали два рыбака и пока накачивали резиновую лодку, к ним из леса вышел медведь-попрошайка. Рыбаки достали батон, отдали половину медведю, чтобы он отстал, схватили лодку и бегом к озеру. Голодный медведь за несколько секунд расправился с булкой и догнал рыбаков у самой воды. Тогда один из них обернулся и отдал медведю оставшуюся половину батона.

– И где сейчас этот медведь? – со страхом поинтересовались болгарки, – на турбазе?

– Недавно его застрелили охотники.

– Зачем?

– По решению райсовета. Он стал бросаться на людей, думая, что просто отбирает у них пищу, ну и пока он не сообразил, что сами люди тоже съедобные и дело не дошло до трагедии, решили его застрелить.

– Бедный медведь, – запричитали болгарки, – нам его жалко. Так хотелось на него посмотреть, мы бы его кормили.

– Не расстраивайтесь, – утешил я девиц, – их здесь много, может еще один из тайги придет, узнав, что приехали такие вкусные болгарские девочки.

Но болгарок такая перспектива почему-то не обрадовала.

– А Вы часто встречаете медведей в маршрутах? – спросил немецкий студент с тетрадкой в руках.

– Каждый сезон. Вот недавно ехал на микроавтобусе по лесной дороге и догнал медведя, который, не торопясь, шел впереди. На машину он никакого внимания не обращал, и двигался не спеша, будто говорил: «Никуда не уйду, это моя дорога! Понаехали тут, всякие». А сигнал у меня как назло не работал. Подъехал к мишке вплотную, а он идет себе вразвалочку задом виляет, ну, и решил я немного подтолкнуть его бампером. Он расвирепел, обернулся и как даст лапой по решетке радиатора, так всю ее и измял. Я быстро включил заднюю скорость и рванул назад по дороге, а медведь бежит за мной и лапой бьет по облицовке, всю машину помял, и не отстал, пока я несколько раз не выстрелил в воздух из нагана. Настоящий хозяин тайги.

Немецкие студенты, недоверчиво посматривали на меня, будто спрашивая: «А Вы не врете?» В ответ я так посмотрел на них, что ребятам стало неловко за сомнения в моей правдивости. Несмотря на качку в автобусе, один студент стал записывать мои перлы.

– Вам дают оружие? – удивились болгары, – Зачем?

– Для охраны секретных материалов, ценностей и отпугивания диких животных.

– И оно сейчас у Вас есть?

Я молча достал из полевой сумки наган, разрядил его и показал ребятам. Вид боевого оружия развеял у студентов последние сомнения в правдивости моих рассказов.

На турбазе нас встретил сторож дядя Вася. По случаю приезда иностранных гостей он приоделся, и на старом армейском кителе сверкали боевые награды, в

том числе и орден Славы. На голове дяди Васи красовалась выгоревшая солдатская пилотка со звездочкой.

Студенты принялись фотографировать ветерана еще из окон автобуса. Первыми вышли болгары и по очереди за руку поздоровались со сторожем.

Узнав, что ребята из Болгарии дядя Вася с гордостью сказал:

– А я тоже бывал в Болгарии.

– Когда, где? – заинтересовались студенты

– Во время войны. Помню, на границе болгары подносили нам вино в таких больших медных чашах.

– А в каких городах Вы побывали?

– Дальше ничего не помню, – честно признался сторож, – потом сразу была Югославия.

Болгары тут же достали бутылку ракии и подарили ее довольному ветерану.

Немецкие студенты тоже подарили дяде Васе флакон какого-то лечебного бальзама.

– Это надо пить немного с чаем, – предупредил Ганс.

Дядя Вася жестом заверил немца, что хорошо знает, как надо обращаться с алкоголем.

У домика сторожа стояла мой микроавтобус УАЗ на дверцах которого было написано «Геологическая».

– Это Ваша машина? – заинтересовались студенты. – Та, на которую медведь напал?

– Видите, – я показал ребятам вмятины и царапины, – это следы когтей.

Студенты принялись фотографировать вещественные доказательства бесчинства медведей, и даже попросили меня встать рядом для масштаба.

– Was ist das? – со смехом воскликнул один из студентов, указывая пальцем на некрашеную квадратную фанерку, прибитую гвоздиками к юбке кузова.

Конечно, эта фанерка выглядела комично и вовсе не украшала автомобиль. Мне стало неловко. Три дня назад в маршруте, пробираясь на машине по узкой лесной дороге я не заметил острый сук, который насквозь пропорол тонкую жёсть. На скорости в дырку попадал воздух, и она начинала громко и противно свистеть как дудка. Поэтому я и прибил фанерку.

– Это временно, мелкий ремонт, – смутился я.

И тут меня поддержал доктор Хофман. Он работал с ленинградскими геологами на советской антарктической станции Молодежная, и рассказал, как однажды на их ледовый аэродром сел элегантный двухмоторный американский самолет, ярко раскрашенный и изящный как игрушка. Когда прибывшие гости – пилоты и двое ученых проходили мимо российского АН-2 полярной авиации, то были поражены живописной картиной. Около хвоста самолета стоял механик и примерял фанерную крышку от посылочного ящика, стараясь расположить её так чтобы полностью закрыть дыру в фюзеляже, пробитую куском льда, отскочившим от лыжи при посадке. В руках механик держал отвертку и мелкие шурупы саморезы, при помощи которых собирался прикрепить фанерку.

«Мелкий ремонт» – объяснил начальник станции ошарашенным гостям.

Американцы понимающе закивали головами и снисходительно ухмыльнулись. Через несколько часов гости полетели дальше, но в пургу совершили вынужденную посадку на леднике.

– И спасти их прилетела АНнушка, та с фанеркой на борту, – закончил свой рассказ доктор Хофман.

– Баня готова, – сообщил мне дядя Вася, – жинка так натопила, чуть парилку не сожгла.

– А почему жена топила баню, а не ты?

– Известно почему, вдруг завтра война, а я уставший.

Я поблагодарил сторожа и дал ему две банки дефицитной говяжьей тушенки.

Дядя Вася стал отказываться, но я объяснил, что это просто закуска, и он взял подарок.

Студенты разбрелись по турбазе, устраиваясь в отведенных им домиках.

Идти со мной в парилку согласились трое: Серебре и два немецких студента. Доктор Хофман и Ганс отказались, сославшись на усталость.

Банька располагалась на самом берегу, но вода в тот год стояла высоко, и сруб оказался в озере на крошечном островке. Идти к бане пришлось по колено в воде. По деревянной лестнице мы поднялись на открытую веранду, пристроенную к срубам. С веранды одна дверь вела в баню, а с другой стороны лестница спускалась прямо в озеро. Глубина под лестницей была метра четыре, так что можно было нырять в воду сразу после парилки.

В раздевалке я достал из рюкзака бутылку пива «Жигулевское», которую кто-то забыл в машине чуть ли не полгода назад. Пиво было испорчено, и я стал выливать его в таз с горячей водой, для того чтобы поддавать на камни. Студенты, находившиеся в напряжении перед неизведанной процедурой, при виде пива вдруг радостно оживились, и попросили дать им сделать хотя бы по глотку. В Германии они пили этот напиток с детства и каждый день. И самое большое для них потрясение в

Советском союзе, значительно более сильное, чем медведи, играющие на балалайках или избивающие в лесу автомобили, было отсутствие возможности пить хорошее пиво каждый день. Я объяснил ребятам, что это пиво наверняка скисло, так как срок годности истек полгода назад, и оно нужно, чтобы плескаться на раскаленные камни в бане. Студенты уверяли, что никогда не пробовали испорченное пиво, так как в их стране такого просто не бывает. Я дал им бутылку и они, по очереди сделав по глотку, тут же выплюнули содержимое. Но по их виду, можно было прийти к заключению, что в целом они удовлетворены дегустацией и не расстроены вкусом испорченного пива, а еще больше гордятся своим отечественным напитком. Зато мне стало неудобно за качество российских пивоваров.

Жена сторожа вытопила баню «до звона», так что в каменке появилось малиновое свечение, а воздух был настолько раскален, что от него трещали волосы на голове. Даже для меня это было круто. Иностранцы в страхе упали на четвереньки и через порог выползли в предбанник.

Пришлось мне опять идти по воде на турбазу, чтобы взять у сторожа войлочные банные шапки и три пары рабочих рукавиц. Дядя Вася был уже явно навеселе.

– Выпей со мной, – предложил он, – добрая болгарская самогонка ракия. А немецкой микстурой жинка будет мне в непогоду ногу натирать. Там у меня от них четыре железных осколка у самой кости сидят.

Заодно я захватил из своей машины четыре бутылки импортного чешского пива – накануне мой друг Валера Хайкара подарил мне целую коробку.

Иностранцы сидели на веранде и были готовы отказаться от бани. Я как мог, успокаивал их и объяснял, что в русской бане нет ничего страшного, надо просто расслабиться, и не мешать организму получать удовольствие. Но мои уговоры не очень-то на них подействовали, и ребята откровенно трусили. Тогда я объявил, что после бани их мужество будет вознаграждено чешским пивом, и достал из мешка четыре бутылки. Студенты заорали от восторга и заявили, что ради пива готовы на все.

Надев войлочную шапку и рукавицы, я зашел в парилку и, не закрывая дверь, поддал несколько раз на камни, чтобы немного снизить температуру. Из дверей вырвалось облако жгучего пара. Немцы заорали от возбуждения и, когда я вышел на веранду заявили, что им очень понравилось и для первого раза вполне достаточно, они готовы пить пиво.

Но я напомнил, что пиво будет только после парилки.

Слегка подсушенные березовые веники с ветками можжевельника и мяты достаточно было лишь окунуть в горячую воду, чтобы не заварился лист.

Сначала я парил Сребре. Он только кряхтел и повторял «добре, добре».

Распаренные до красна мы вышли на веранду и сходу нырнули в прохладную воду Ладоги.

– Фантастика! – воскликнул Сребре в ответ на настоженные взгляды немецких студентов.

Потом я парил сразу двух студентов и, к моему удивлению, они стерпели пар, который не всякий русский парильщик выдержал бы.

После бани студенты прыгнули в воду и гоготали от удовольствия. Я выдал им по бутылке чешского пива. Они пили медленно и с наслаждением.

Потом в течение всей практики студенты приставали ко мне с вопросом, где можно в Питкяранте купить чешское пиво. На это я им отвечал, что и сам с удовольствием узнал бы, где находится это место. Пришлось сознаться, что чешское пиво страшный дефицит и его подарил мне друг, который уехал на месяц в Финляндию. Но каждый день, изнывающие от отсутствия пива студенты не уставали спрашивать меня, не обнаружилось ли место, в котором продают чешское пиво.

Я убеждал ребят, что сделать перерыв в пивном алкоголизме полезно для организма, и приводил слова Бисмарка о том, что пиво делает людей глупыми и ленивыми.

Меня поддержал профессор Хофман и рассказал, что весной Фрайбергская горная академия наконец-то построила мензу – студенческую столовую, в которой ребята могли завтракать, обедать и ужинать. Преподаватели радовались, что студентов удалось вытащить из многочисленных гаштетов и мелких пивных. Конечно, по вечерам студенты в мензе пили пиво. И тут преподаватели с ужасом узнали, что в среднем каждый студент выпивает в день два литра пива.

– Ну, какая может быть учеба и наука при таких дозах алкоголя, – сокрушался Хофман.

После бани, на веранде преподавательского домика я Сребре, Ганс и Хофман распивали бутылочку болгарского коньяка «Слынчев бряг». Красный шар солнца медленно садился в озеро, подсвечивая высокие серебристые облака. Если бы не комары, проникающие

сквозь марлевый полог, было бы удивительно комфортно. Мы сидели в удобных креслах, и доктор Хофман рассказывал нам о полевом сезоне в Антарктиде на станции Молодежная, где он был единственным немцем в экспедиции. Йохан показывал изумительные цветные фотографии айсбергов, величественных горных хребтов и, конечно, пингвинов. Он рассказывал о тяжелых экспедиционных условиях, особенно когда приходилось в многодневных маршрутах жить в палатках в предгорьях. Постоянно дующий с ледяного купола ветер «сток» бывал порой такой сильный, что приходилось держать палатки изнутри.

– А как Вы там обходились полгода без пива? – поинтересовался Сребре.

– Иногда нам выдавали по банке пива после авралов по разгрузке корабля. Вообще на станции был сухой закон, но в автономных маршрутах, когда жизнь и работа становились особенно тяжелыми, мы пили спирт. Конечно, я, за свою пунктуальность, был назначен виночерпием, а норму выдачи определял начальник геологической партии. Если он показывал мне один палец, то всем наливалось по семьдесят пять граммов спирта. А когда день был особенно трудный, то начальник показывал два пальца и я наливал всем по сто граммов.

У одного геофизика была именная эмалированная кружка, напоминавшая по размерам детский ночной горшок. И он постоянно обвинял меня в несправедливом распределении спирта и требовал, чтобы ему в кружку, в которой сто граммов были вообще не видны, наливали по уровню столько же, сколько и другим.

Я объяснял, что отмеряю спирт мензуркой с точность до одного миллилитра и любой может это проверить.

Но геофизик не сдавался и продолжал обвинять меня, рассчитывая, что я сдамся и стану наливать ему больше чем остальным.

Но советские коллеги меня выручили, они с помощью мензурки налили в кружку геофизика сто граммов воды, и на верхнем уровне жидкости просверлил с боков две дырку, так что больше ста граммов в эту кружку налить было уже нельзя.

Стало смеркаться, и я зажег свечу. Над базой отдыха разносились взрывы хохота это немецкие и болгарские студенты веселились в столовой. Вдруг в дверь веранды кто-то энергично постучал.

– Заходите, – пригласил я, думая, что это болгарские студенты пришли забрать Серебре в свою компанию.

На веранду поднялся рыбак в непромокаемом плаще и резиновых сапогах.

– Кто здесь главный? – спросил рыбак.

– Допустим я, а что случилось? – мне показалось, что рыбак начнет возмущаться чересчур громким студенческим весельем на веранде.

– Это ваши ребята в заливе плавают?

– Не знаю.

– Какой же Вы главный, если ничего не знаете. Утонут ребята, как будете смотреть в глаза их родителям?

– Вы что, кого-нибудь в озере видели?

– Возвращались с рыбалки на катере и вдруг увидели, что посередине залива кто-то плышет. Ну, мы подумали, какой-то рыбак тонет, подлетаем на всей скорости, а воде совершенно голая девка плышет. Хотели ее вытащить, а она лопочет что-то на непонятном языке и от нас как рванет кролем. Так до берега ее и сопровождали.

– Такая коротко стриженная девушка? – уточнил Хофман. – Это наша Биргит, она мастер спорта и очень хорошо плавает.

– По статистике службы спасения на водах из тонущих в Ладоге девяносто восемь процентов очень хорошо умели плавать, и только два процента не умели плавать, – заявил рыбак, – по совместительству я спасатель.

– Спасибо, мы примем меры, – заверил я рыбака.

– Серебре предложил спасателю стаканчик коньяка, и он с удовольствием его выпил.

Я отправился к студентам предупредить о запрете купания.

Ребята сидели на веранде за длинным столом и по кругу пили бутылку раки из горлышка. Биргит среди них не было, но немецкие студенты сказали, что она сейчас подойдет.

На веранду вошла пловчиха и студенты, почему-то сразу замолчали. Коротко стриженная, широкая в плечах и узкая в бедрах она была больше похожа на парня. Биргит куталась в махровый халат и глаза ее странно блестели. Мне показалось, что она изрядно хлебнула шнапса для согрева.

Я решил подождать, когда она сядет, и уже потом рассказать студентам об опасностях плавания в холодном Ладожском озере.

Немка прошла сзади, и вдруг, захватив мою шею рукой согнутой в локте, наклонила меня назад, так что я почти падал со скамейки. Воспользовавшись моим беспомощным состоянием, она неожиданно страстно поцеловала меня в губы. И руки у нее были словно железные не вырваться.

Студенты громко захлопали в ладоши и радостно заржали, словно табун лошадей.

«Точно, пила!» – подтвердил мой внутренний голос – великий специалист по части спиртного.

Болгары выставили на стол очередную бутылку рэки, которую, вероятно, проспорили немцам.

Пловчиха поставила меня в совершенно дурацкое положение. Делать ей сейчас выговор на глазах уже пьяненьких студентов, было бы совсем не убедительно. Тем более что все смотрели на меня, ожидая первой реакции.

– Ребята, я Вас попрошу не купаться в озере без моего разрешения, и, конечно, не заплывать так далеко, да еще в голом виде.

– Наша Биргит мастер спорта по плаванию и любит экстремальные заплывы, – сказал кто-то из немцев.

– Во Франции одна спортсменка-экстремалка прыгнула с парашютом совершенно голая. Экстрим удался на славу, она приземлилась на территорию мужской колонии. Когда она спускалась на парашюте, заключенные бегали и кричали: «Благодарим тебя господи, за то, что ты услышал наши молитвы!»

– И что с ней стало? – заинтересовались болгарки.

– Думаю, прежде чем ее отбила охрана, она получила экстрим по полной программе.

– И что же, Биргит могли изнасиловать прямо в воде?

«Она сама кого хочешь изнасилует, – подумал я, – рыбакам еще повезло», – а для студентов в слух сказал:

– Не исключено.

– Ах, как это было бы демократично, – воскликнула одна из болгарок.

На другой день вечером после маршрута к нам в гости на традиционную встречу приехали местные комсомольцы. Райком комсомола выставил бочонок чешского пива, а также сига и судаков для ухи.

Первым номером программы всегда была уха, которую готовил я. Местные ребята чистили рыбу, а иностранные студенты в это время с восторгом фотографировались с внушительными пятикилограммовыми судаками. У каждого рыбака есть свой рецепт приготовления ухи, у меня тоже. Сначала в холодной воде я варю головы, хвосты и плавники. Через двадцать минут они выбрасываются и в юшку загружаются порционные куски рыбы, луковицы вместе с кожурой, придающие бульону золотистый оттенок, а также черный перец, лавровый лист, мелко нарезанные помидоры и болгарский перец. И, конечно, стопка водки, добавление которой всегда приводило иностранцев в неопишуемый восторг. Мое блюдо высоко оценивали даже местные заядлые рыбаки, которых ухой не удивишь.

Русская трапеза с ухой, сопровождалась здравицами и тостами. Третий традиционный тост «за прекрасных дам» я произносил с учетом интернационального офицерского контингента:

– Господа офицеры Варшавского пакта, – и, дождавшись, когда мужчины встанут с бокалами в руках, торжественно заканчивал спич: – За прекрасных дам!

Тогда мне казалось, что ребята искренне считали себя офицерами Варшавского пакта, но возможно я ошибался и они держали фигу в кармане.

Потом у большого костра пели песни. Немцы исполнили старую народную песню. Оказалось, что на этот мотив у нас тоже есть очень смешная песня, и я поду-

мал, что это ее русский перевод, так как мотив и припев песен совпадали полностью. Мы стали петь в чересполосицу – один куплет пели немцы, на своем языке и следующий я на русском. Питкярантские комсомольцы были в восторге и хлопали в ладоши, так как понимали только по-русски. Но, как потом выяснилось, автор-исполнитель Юлий Ким написал новые слова на музыку немецкой народной песни. Бодрый мотив старой немецкой песни ассоциировался у барда с образом бравого кайзеровского солдата – пьянчужки и ловеласа:

Однажды рыжий Шванке

(на-нум, на-нум, на-нум)

В казарму плелся с пьянки,

(на-нум, на-нум, на-нум)

Увидел он девчонку...

(бомс, Валера)

И сразу за юбчонку,

(а-ха, ха-ха!)

И сразу за юбчонку,

(а-ха, ха-ха!)

А в немецком варианте никакого Шванке не было и в помине, и перевод песни без припева, несмотря на мажорный мотив был минорный и примерно такой:

Я гуляла, гуляла, а милого все нет,

Я гуляла, гуляла, а милого все нет,

Вот уж осень настала, а милого все нет,

Потом немецкие студенты списали у меня слова Ю. Кима и перевели их на немецкий язык. Так песня получила второе рождение.

И тут болгарские студенты захотели отличиться в пении, но я попросил их не шокировать местное население, так как их песня с русскими словами, содержала в

припеве всего два цензурных слова: – а..., и опа.... Но мотив песни был замечательный и, если нецензурные выражения заменить ритмическими словами "там и там-тарам, то песня звучала примерно так:

Та-рам там там-тара
Там-тарам там тарам тара
Та-рам там там-тара
Там-тарам там тара

Та-рам там там-тара
Там-тарам там тарам тара
Там-тарам там тарам тара
Там-тарам там тарам

Припев: А, опа, опа,
там-тарам там там тара
там-тарам там там тара
там-тарам там там тара

Слово "опа", скорее всего, означало экспрессивное выражение эмоциональных чувств типа: «Эх, ма!».

Кстати эту песню, из-за чудесного мотива я пел на питкьярантской практике и нашим студентам. И однажды на банкете, после защиты дипломных работ, ребята вдруг попросили меня:

«Анатолий Михайлович, спойте, пожалуйста, песню, которую Вы нам пели в Питкьяранте, и где одни матерные слова».

«Ты что, поешь им такие песни?» – ужаснулся заведующий кафедрой.

«Да, да! – закричали студенты, понимая двусмысленность ситуации. – Ну, хоть один куплет!»

«Только не в университете и не на моей кафедре!» – категорически запретил заведующий.

Болгарские студенты были удивительно музыкальны и песни у них мелодичные и красивые. Они спели патристическую и модную в те времена песню «Никола» – широкую и раскатистую словно эхо в горах.

Вечер встречи удался на славу, доели уху, и выпили до дна бочонок пива.

Немцам и Сребре так понравилась русская баня, что они желали париться каждый день. При этом чешское пиво из коробки я использовал только для бани. Немецкие студенты выпивали одну бутылку пива на двоих, а другую оставляли для своих девочек. В конце практики немцы попросили меня разрешить им в последний день истопить баню самим от начала и до конца.

Я согласился.

Тут смущенные немцы повествовали, что много рассказывали своим девочкам о том, как я умею парить сразу двумя вениками, и они очень просили их попарить, если, конечно, я не боюсь обнаженных женщин.

– Вы что же, Биргит боитесь? – ехидно спросили ребята.

Я заверил ребят, что обнаженных женщин видел много раз в общественных местах на нудистских пляжах в Германии и в Болгарии и очень им симпатизирую. И Биргит вовсе не боюсь, а просто опасуюсь.

– А девочкам после бани тоже будет положено пиво?

– Чешское пиво закончилось, но я попытаюсь достать к прощальной бане несколько бутылок.

– И меня с собой возьмете? – спросил Сребре!

– Конечно! – радушно согласились немцы.

С обнаженными женщинами в общественных местах я действительно встречался. В первый раз, когда я был в Германии руководителем зарубежной практики и на

нудистский пляж на озере в районе города Фрайберга нас неожиданно завез доктор Хофман. И ничего сверхъестественного в этом не было. Значительно больше я и студенты были потрясены знакомством с голыми немецкими студентками в общежитии Фрайбергской горной академии. Дело в том, что наша группа приехала во Фрайберг во время троицы. И, несмотря на то, что праздник был религиозный, в ГДР три дня никто не работал. Нас поселили в уютном общежитии, которое пустовало из-за того, что студенты разъехались по домам на праздники. В конце коридора, рядом с комнатами, в которых мы жили, находился общественный туалет без опознавательных табличек, но явно мужского типа – в нем были писсуары и кабинки. Этим туалетом и пользовалась мужская часть нашей группы, а наши студентки ходили в туалет на другом конце коридора.

И вот вечером, накануне занятий, в общежитии появились немецкие студенты в основном девушки. Отправившись чистить зубы, я вышел из комнаты и вдруг увидел, что в наш туалет заходит немецкая студентка, причем совершенно голая. Я быстро вернулся в комнату и рассказал об этом ребятам. Они высказали предположение, что эти дни мы по ошибке пользовались женским туалетом и побежали проверить дальний туалет, но он оказался точно таким же и без опознавательных табличек. После этого ребята с опаской пользовались туалетом – один стоял на стреме, а другой справлял нужду.

Но больше всего наших ребят потрясли голые студентки в душевой, которая располагалась в подвале общежития. Еще в первый день у меня вызвало подозрение расположение душевой – посередине общая разде-

валка и справа и слева собственно душевые комнаты без перегородок. Ребята решили помыться с утра пораньше, пока немецкие студентки еще спят, но они сильно ошиблись. Только они встали под сильные горячие струи воды (на душевых сосках почему-то не было распылителей), как раздевалке послышался девичий смех и в душевую вошли две голые девушки. Нисколько не смутившись присутствием ребят, они вежливо поздоровались.

Парни, испугавшись естественной реакции организма, не выдержали и выскочили из душевой как ошпаренные кипятком.

Хорошо, что вскоре наша группа уехала на геологические экскурсии по месторождениям Германии.

Но в последний день я не смог выполнить своего обещания попарить немецких студенток, так как пришлось развозить бельё и матрасы, которые я брал в долг в разных организациях Питкьянты.

Когда я вернулся на базу, меня встретил недовольный Сребре. Он пожаловался на то, что немцы его обманули – вытопили баню, а потом стороной по воде провели туда своих девочек. При этом Сребре лежал и загорал поперек тропинки ведущей в баню, что бы мимо него нельзя было незаметно пройти.

Накануне отъезда вечером ко мне подошел один пунктуальный немецкий студент, который аккуратно записывал в тетрадь мои лекции и перлы и донимал зачитанием вслух своего дневника, для того чтобы исправить неточности. Это касалось не только геологии, но и всего того, что он увидел и узнал за день. Отказать такому хорошему парню я не мог.

– Я слышал, как Вы рассказывали болгарам, что в местных лесах живёт хищная птица – Мымра, – по слогам читал студент, – растет ядовитый гриб – Мымра, а в озёрах водится несъедобная раба – Мымра. И еще, часто встречается ядовитая змея – Мымра, которой если что-то не понравится, то она гигантскими прыжками гоняется по лесу за человеком, пока его не укусит.

Я вдруг вспомнил Александра Дюма, который во время путешествия по России записал в своем дневнике, как он отдыхал под развесистой клюквой.

– Да, ты забыл написать, что на болотах произрастает страшно ядовитая ягода – Мымра.

– Почему совершенно разные живые организмы имеют в русском языке одно и то же название? Это неправильно!

«Ну, просто немецкий Карл Линней», – с уважением подумал я.

Этот студент имел только один недостаток – совершенно не понимал юмор.

– По-русски это называется унификация, – пояснил я.

– От таких сведений парень пришел в легкое замешательство, но быстро схватил суть и радостно подтвердил, что понял.

– О, я, я, Unifizierung!

– Особенно важна унификация в развитии современной техники, – я уже не мог остановиться, словно меня несло течением. – Например, у нас даже новейший танк представляет собой комбинацию всего лишь одной детали, которая называется «хреновина».

У студента от удивления вытянулось лицо, но он справился с собой, поспешно вытащил из кармана шариковую ручку и переспросил:

– Как называется деталь, из которой сделаны Ваши танки?

– «Хреновина», но записывать секретные сведения не надо, это я доверительно сообщаю Вам как союзнику, Вы меня понимаете?

– О, я, я, спасибо, – поблагодарил студент и понимающе ухмыльнулся, всем своим видом демонстрируя приверженность боевому союзу социалистических стран.

Обогащенный важными сведениями студент отправился к себе в домик. Он остановился на крыльце и все-таки записал в тетрадь секретные сведения.

«Вызнал секрет, – хихикнул мой внутренний голос, – дружба, дружбой, а служба, службой. Вот какие они союзники по Варшавскому Пакту. Как воевали немцы против России во все времена, так и сейчас с ними хорошие отношения, потому что иначе им нельзя. Большинство немцев уже опять против России в НАТО, и остальная часть хочет перескочить туда же.